

Г.В. Калиткина

Томский государственный университет

**Междисциплинарные области
диалектной лингвокультурологии**

Аннотация: В статье исследуется проблема взаимосвязи (локального) языка и (локальной) культуры.

Ключевые слова: диалект, говор, диалектология, лингвокультурология, язык, культура.

Конец XX в. ознаменовался для отечественной диалектологии своеобразным «возвращением домой»: для нее вновь стали актуальными проблемы взаимосвязи (локального) языка и (локальной) культуры. В определенном смысле это совершенно закономерный этап развития внутренней логики диалектологических исследований, поскольку в конце XIX в. «причастность диалектологии к широкому комплексу народоведческих дисциплин ощущалась еще четко и незыблемо» [Толстой, Толстая, 1979, с. 70; см. также: Жирмунский, 2004 (1932), с. 22–39]. Затем наступил период, когда изучение говоров воспринималось как довольно автономное по своим научным задачам и методам описания. Этот период связан со значительными результатами в области фонетического и грамматического анализа, но при анализе лексики чувствовалась узость такого подхода. Более широкий взгляд на вещи постепенно привел к необходимости поместить лексикологические исследования в контекст культуры. Подобная проблематика характерна в настоящее время для представителей нескольких направлений отечественной науки – от этнолингвистики (Н.И. Толстой, С.М. Толстая, А.С. Герд, Е.Л. Березович, Е.Е. Левкиевская, А.А. Плотникова, С.Ю. Дубровина, Л.О. Занозина) до диалектной лингвокультурологии (Г.В. Токарев, С.А. Кошарная, Т.Б. Банкова) и этнодиалектологии (И.А. Морозов, И.С. Слепцова, О.В. Востриков). Так или иначе, все исследователи сталкиваются с тем, что диалектология, выйдя некогда из рамок этнографии, унаследовала ее междисциплинарные границы с фольклористикой, историей, антропологией, этнопсихологией, социологией.

Если собственно лингвокультурология рассматривает взаимоотношение двух знаковых систем, то есть языка и культуры, то диалектная лингвокультурология – ее частная область, которая связана с сопряжением диалектного языка и традиционной культуры (далее – ТК). В рамках Томской диалектологической школы исследования такой направленности на материале русских старожильческих говоров Среднего Приобья ведутся с середины 1990-х гг. (см. библиографический указатель «Труды Томской диалектологической школы» [2003]). На настоящем этапе следует очертить междисциплинарные области лингвокультурологической проблематики, которые не могут быть изучены методами собственно лингвистики. В целом феномен междисциплинарного подхода в любой области знания каждый раз объясняется чрезвычайно сложным характером исследуемого объекта, оказывающегося объемнее (шире) классически понимаемых объектов самостоятельных наук. Именно таким синкретичным объектом является по своей сути ТК. Еще Б. Лепти [1993, с. 71–77] постулировал, что при междисциплинарном подходе

всякая передача заимствованных концепций, проблем или методов сопровождается их трансформацией и даже искажениями, что междисциплинарная практика двусмысленна, поскольку она всегда базируется на частичном непонимании, однако именно оно и обладает творческой потенцией. Очевидно, таким образом, что описание пограничных областей¹ позволяет более четко сформулировать результаты исследований в рамках диалектной лингвокультурологии, проводимых на конкретном языковом материале. Как представляется, такие пограничные области порождают ряд вопросов, из которых наиболее актуальны: 1) специфика региональной (локальной) составляющей ТК; 2) круг носителей ТК Среднего Приобья; 3) языковые основания самоидентификации членов локальной субэтнической группы. Рассмотрим их подробнее.

1. Для современных антропологических исследователей характерно понимание региона в качестве не столько локуса, сколько сообщества – совокупности людей, осуществляющих определенную деятельность, в результате которой возникает их солидарность. Такие общности являются достаточно целостными образованиями. Этим подходом аргументировано разное толкование терминов «культура региона» и «региональная культура», предложенное И.Я. Мурзиной [2003]. Первый связан с пространственно закрепленной культурой, отличающейся от общенациональной только особенностями бытового уклада и характером повседневности. «Региональная культура» – самостоятельное явление, обладающее собственными закономерностями развития и логикой исторического существования. Она отличается набором функций, порождает специфическую систему социальных связей и тип личности, способна оказывать влияние на общенациональную культуру. Региональная культура формируется как форма бытия, которая на ранних этапах своего развития существует «внутри» национальной культуры и «наряду» с ней. И.А. Морозов определяет исторически сложившийся локальный тип культуры во всей полноте его языковых, фольклорно-этнографических и социокультурных проявлений как «этнодиалект» [Рязанская традиционная культура, 2001, с. 7]. Несмотря на некоторую спорность последнего термина, понятие, стоящее за ним, имеет сопоставимый объем с тем, который рассмотрен выше.

Всякий ли регион продуцирует региональную культуру? Большинство отечественных исследователей с осторожностью отвечают на этот вопрос, говоря о региональной культуре применительно к Русскому Северу, Уралу, Сибири, Югу России. «Области центральной России не могут быть рассмотрены как феномены региональной культуры, исторически они находятся в рамках «материнской» русской культуры» [Мурзина, 2003, с. 20]. Недостаточная изученность русской региональной культуры и субэтнических групп (общностей) объясняется историей страны: значительной миграцией населения, динамикой внутрирегиональных и локальных связей, многообразием компонентов, условий и механизмов динамических процессов в культуре. «И если русская этнография, вслед за диалектологией, добилась несомненных успехов в выявлении важнейших отличий трех этнографических зон в европейской России, то их ареальная дифференциация изучена пока слабо и неравномерно: более или менее подробно – в южнорусской зоне, значительно хуже – в средней и северной зонах, и, можно сказать, практически неизвестна в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Поэтому открытыми остаются многие вопросы, связанные с формированием русской культуры в целом и ее регионально-локальных вариантов», – отмечают Т.А. Бернштам и К.В. Чистов [Русский Север, 1992, с. 3–4]. Обращает на себя внимание парадоксальное совпадение регионов, которые считаются продуцирующими наиболее

¹ В качестве одной из первых работ подобного рода назовем «Этнолингвистическое описание севернорусского села Тихманьги» Е.Е. Левкиевской и А.А. Плотниковой [2001, с. 257–299].

значимые варианты национальной культуры и одновременно наименее изученными.

Интерес к местным особенностям культуры и жизнедеятельности этнических локальных групп в европейских странах возник в начале XIX столетия. К концу XX в. (в немалой степени под влиянием работ лингвистов, прежде всего, диалектологов) изменилось видение их генезиса. Господствовавшее представление о том, что локальные традиции являются в конечном счете результатом искажения какого-то изначального, подлинного варианта, сменилось осознанием того, что этническая традиция, особенно до периода урбанизации, существовала как совокупность местных традиций, сближавшихся и вырабатывавших общие черты в ходе своего развития и в процессе этнокультурной консолидации той или иной общности [Сэпир, 1993 (1931); Маркарян, 1983; Чистов, 1983, с. 14–22; Толстой 1995, с. 24–40]. Крупнейший отечественный фольклорист Б.Н. Путилов, рассмотрев ряд сделанных во второй половине XX в. попыток выделить региональную специфику применительно к фольклору, пришел к выводу: «Может быть, трудность региональных исследований не в отыскании... <...> ...чего-то необычного, выпадающего из привычного набора признаков, а в анализе специфики “общеизвестного” и широко распространенного» [Путилов, 2003 (1994), с. 163].

Э.С. Маркарян [1983] разделяет традиции на локальные, которые фиксируют жизненный опыт человеческих объединений, отражающий индивидуальные черты их исторических судеб и особых условий существования, и общие, которые поддерживают стабильность человеческих коллективов безотносительно к их локальной специфике. Их сочетание и определяет существование различных региональных культур. Сопоставимую точку зрения высказывает С.Ю. Неклюдов: «Региональность обусловлена спецификой хозяйственно-культурного и социоэтнического функционирования сообщества, а локальность как таковая связана с ячейкой общественной жизни (например, общиной), до известной степени замкнутой и имеющей целостную структуру сохранения и регулирования социального организма. При этом региональная / локальная специфика не обусловлена целиком природными или социальными обстоятельствами, внешними по отношению к культуре, и не сводится к исторической преемственности наследия. Она есть не наличие редких (или даже уникальных) форм, но скорее специфическая интерпретация общего» [Неклюдов, 2004, с. 19]. В качестве опыта исследования локальных вариантов русской¹ ТК отметим словари «Духовная культура Северного Белозерья» [1997] и «Рязанская традиционная культура первой половины XX века» [2001], созданные под руководством И.А. Морозова. Обе монографии описывают сравнительно небольшие территории. «В этом случае достаточно проблематично выделение отличительных признаков, которые дали бы возможность составить представление о схождениях или отличиях данного культурного ареала от других. Однако существенная вариативность культурно-языкового узуса как на уровне территориальной этнической группы (диалект), так и социума (социодиалект) или конкретного индивидуума, носителя культуры (идиолект) дает возможность для исследования проблемы членности единого культурно-языкового пространства как на макро-, так и на микроуровне» [Морозов, 2001, с. 5–6].

2. Формирование региональных культур закрепляется не только территориальными, но и этническими основаниями. Любой этнос неоднороден и распадается на группы разного таксономического уровня. Так, с 1970-х гг. в отечественных работах по этнографии и истории потомки русских переселенцев в Сибири рассматриваются как своеобразная субэтническая группа [Русские старожилы Сибири, 1973; Русские, 1999; Русские старожилы, 2000]. Присоединение Сибири к Российскому государству началось с конца XVI в. До 1917 г. под термином «Сибирь»

¹ По этим причинам не упомянут масштабный полесский проект Н.И. Толстого, результатом которого также стал многотомный словарь.

подразумевали Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую губернии, а также Якутскую, Забайкальскую, Амурскую, Приморскую, Камчатскую и Сахалинскую области. Местная этническая специфика накапливалась здесь уже начиная с XVII столетия, а к концу XIX в., по мнению Г.Н. Потанина, четко обозначилась проблема сибирской самобытности, поскольку к этому времени консолидация переселенцев привела к формированию устойчивой локальной традиции и в материальной, и в духовной культуре.

Первоначально внимание общества привлекали представители маргинальных групп населения Сибири: ссыльные, каторжники, нищие и бродяги, а также старообрядцы и сектанты «различного толка». Публикуемые материалы чаще всего касались Восточной Сибири и Алтая [Бережнова, 2005, с. 128–130]. В 1882 г. Н.М. Ядринцев создал фундаментальную монографию «Сибирь как колония», где была дана характеристика русских сибиряков в качестве самостоятельной субэтнической группы. Без ссылок на авторство Н.М. Ядринцев приводит следующее замечание: «О психических особенностях сибирского населения этнографы сообщают следующее: “Нельзя не заметить в этом населении некоторых своеобразных умственных и нравственных черт или особенностей, более или менее заметно отличающих его как от психического настроения великорусского или малороссийского народа, так и от умонастроения сибирских инородных племен... Ум сибиряка менее развит и гибок. Логические приемы его мышления менее развиты, ассоциации идей не так многосложны, как у великоруса – какого-нибудь нижегородца или ярославца. Зато в сибирском русском населении рассудок, кажется, гораздо более преобладает над чувством, чем в великорусском народе. Холодно-рассудочная, практическая расчетливость сибиряков или преобладающая склонность к реалистическому и положительному взгляду на вещи подавляет в них почти всякое идеалистическое умонастроение”» [Ядринцев, 2000 (1882), с. 69–70].

В 1902 г. П.М. Головачев дифференцировал русское население Сибири, выделив три группы: старожилы (состоящие из крестьян и казаков, которые прожили в Сибири не менее двадцати пяти лет), новоселы и ссыльные. В.К. Кузнецов, один из авторов многотомной коллективной монографии «Азиатская Россия», отметил отсутствие старожильческого населения в «дальневосточной части Сибири» и в «Степном крае», настаивая на том, что «коренное старожильческое население находится исключительно в Сибири» [Кузнецов, 1914, с. 184]. В 1918, 1923, 1925 гг. лингвист и этнограф Г.С. Виноградов активно пользовался в своих работах термином «старожилое (старожильческое) население». Основатель диалектологического направления Томской лингвистической школы А.Д. Григорьев в 1928 г. также использует этот термин, добавляя, что при изучении русских говоров Сибири «ввиду медленности по местам (в обособленных переселенческих селениях) ассимиляционных языковых процессов надежнее считать старожилками тех, которые отделены от переселения в Сибирь их семьи из европейской России, по крайней мере, 50-летним промежутком времени» [Григорьев, 1928, с. 4]. С 1970-х гг. в этнографических исследованиях деление русских сибиряков на старожилы и переселенцы второй половины XIX в. – начала XX вв. стало общепринятым.

А.А. Новоселовой [2000, с. 89–90] были сгруппированы общие черты, которые подразумеваются при употреблении термина «старожилы» в отечественными авторами: (а) все исследователи сходятся на том, что старожилы – это особая группа русского населения Сибири; (б) хронологические рамки ее возникновения зависят от времени заселения того или иного региона; (в) категории населения, составившие в итоге группу старожилов в разных сибирских регионах, почти не отличаются, это первые землепроходцы, зверопромышленники, служилое сословие и крестьяне; (г) в этническом отношении основу русских старожилов Сибири составляют выходцы преимущественно из северо- и среднерусских губерний европейской России. Несколько иная позиция представлена в монографии «Русские

старожилы Сибири: социальные и символические аспекты самосознания», где рассматриваются три «старожильческие общности» приполярных поселков на Индигирке, Анадыре и Колыме. Авторы настаивают на том, что потомки русских переселенцев не причисляют себя ни к русским, ни к коренным народам Севера. «Причиной их устойчивости является действие некоего культурного механизма, который препятствует скатыванию группы в сторону одного из двух «родителей»: такое скатывание привело бы к потере отдельности, превращению старожильской культуры либо в вариант русской, либо в вариант местной» [Вахтин, Головкин, Швайтцер, 2004, с. 254].

Таким образом, отечественные исследователи, признавая специфику данной группы сибиряков, до сих пор дискутируют по поводу определения ее в качестве этнографической, этнокультурной, локальной и т.п.

В старожильской среде Сибири преобладали крестьяне¹, а следующую по численности сословную группу составляли казаки. Именно крестьянская община являлась стержнем региональной культуры. В начале XX в. массовые переселения породили в сибирской деревне ситуацию фронта и своеобразного противостояния между старожилами и новоселами [Шиловский, 2004, с. 66–74; Бороноев, 2004, с. 152–159]. Границы между представителями старожильческих крестьянских кланов и новоселами постепенно стирались посредством браков [Тарасов-Борисенко, 2001]. Данные выводы современных авторов, полученные в результате архивных разысканий, не противоречат свидетельствам исследователей, заставших старожильскую ТК как целостную систему: «Сибирская гордость иногда доходила до того, что приселившиеся переселенцы, добровольно принятые сибиряками, лет по двадцати не признавались последними себе за равных, причем сибиряки в это время тщательно избегали с ними родниться. Когда же таким переселенцам наконец сами сибиряки переставали давать кличку «россейских» и роднились наконец с ними, то бывшие «россейские» не без гордости говорили приезжим, что они стали «сибиряками», точно их повысили в чине» [Семенов-Тянь-Шанский, 1990, с. 41].

В освоении территории Среднего Приобья важной вехой стало основание в 1604 г. Томского острога. К концу XIX в. Томская губерния была далеко не самой большой за Уралом, однако, как указывал Н.М. Ядринцев, «она составляет 18 % всей России, превосходит Великобританию в 2 ½ раза, Пруссию в 3 раза, Францию в 1 ½ раза. Эта губерния равняется 15688 квадратным милям» [Ядринцев, 2000 (1882), с. 14]. К 1911 г. на долю русских в Томской губернии приходилось около 95 % населения [Григорьев, 1928]. Здесь в старожильческих селениях сформировалась своеобразная духовная и материальная традиция в качестве локального варианта ТК. Она до сих пор противостоит тем культурным принципам, которые в течение всего XX в. приносились потоком мигрантов, порождаемым хорошо ныне известными причинами политического и экономического характера.

3. В процессе осмысления действительности, своего места и роли в мире, иными словами, в ходе социализации, человек неизбежно отождествляет себя с другими людьми на расовых, национальных, религиозных, социальных, имущественных, профессиональных, гендерных и т.д. основаниях. В настоящее время самоидентификацию (самоопределение) понимают как вхождение полноправным членом в совокупность добровольно выбранных групп разного уровня (народ, семья, трудовой коллектив, профессиональный союз, любительская ассоциация и т.д.) [Губогло, 2003, с. 40]. Вероятно, в истоке теоретической рефлексии стояла проблема национальной (этнической) идентичности [Биллиг, 2006 (1995), с. 551–582; Александренков, 1996, с. 13–22; Хобсбаум, 1996, с. 28–39; Загряжская, 1996; Андерсон, 2001; Павленко, 2003; Джозеф, 2006 (2004), с. 515–560]. В целом же

¹ Перепись 1897 г. свидетельствует о том, что крестьяне составляли 92,7 % населения Сибири в целом.

иерархия уровней идентичности не вполне определена и до сих пор: например, этническая идентичность считается выше географической (иными словами территориальной, локальной, региональной), которая формируется на базе земляческих представлений [Губогло, 2003; Савоскул, 2005, с. 58–73]. Большинство российских авторов считает, что «региональная идентичность не может быть одной из главных форм самоопределения индивида» [Сверкунова, 2003, с. 53], к тому же на российском материале она изучена наиболее слабо¹.

В начале XXI в. в европейской части России были проведены исследования критериев, на основании которых идет процесс локальной самоидентификации и человек относит себя к коренному населению или исключает из этой группы. Это (1) факт рождения и постоянного проживания в определенной местности; (2) наличие предков, родившихся и живших здесь же (родители, деды, прадеды); (3) эмоциональная привязанность к данной местности [Савоскул, 2005]. У населения Западной Сибири², по некоторым данным, доминирует второй из названных критериев, то есть принадлежность к старожилам, дающая право на этноним «чалдоны» [Губогло, 2003]. Хотя Г.В. Любимова [2004] настаивает на узком ареале этого субэтнического самоназвания, его распространенность в среднеобском регионе подтверждается материалами «Словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» (1964–1967), который фиксирует употребление лексемы *чалдон* в качестве экзо- и эндоэтнонима: *Одно же само, что чалдон, что сибиряк; Чалдон – здешни, сибирски; Я-то коренна чалдонка; А это уж сибирячка свадьба, чалдонска*. Словарь свидетельствует, что в Томской области номинация распространена повсеместно, в Кемеровской – отмечена в Кемеровском, Ленинск-Кузнецком, Мариинском и Яшкинском районах. Она была зафиксирована еще В.И. Далем, а затем рядом источников рубежа XIX – XX вв.

К названным критериям многие социологи, этнографы, историки добавляют также владение локальным вариантом языка, то есть диалектом, подобно тому как владение национальным (литературным) языком считается одним из главных оснований этнической идентичности [Потебня, 1913, (1880), с. 221–225]. Последний аспект разработан в настоящее время более глубоко, обзор основной дискуссии современных зарубежных исследователей приведен в работах Дж. Джозефа [2006 (2004)] и отчасти М. Биллига [2006 (1995)]. Однако в истории любой страны национальная идентичность не была одновременно востребована всеми социальными группами и регионами: «Какой бы ни была природа социальных групп, первыми проникшихся национальным сознанием, народные массы – рабочие, слуги,

¹ В зарубежной литературе региональная идентичность считается одной из наиболее выраженных. Так, во Франции проведены исследования, выявляющие таксономический уровень пространства в ответах респондентов на вопрос: *Откуда вы?* Были получены следующие результаты: 50 % опрошенных заявили о своем происхождении из той или иной коммуны, около 15 % назвали департамент, 10 % – административный регион, 4,4 % – регион, не имеющий статуса административной единицы и выделяемый на исторических и культурных основаниях. (Административное деление Французской республики с 1975 г. предусматривает 22 региона, 96 департаментов, 36500 коммун.) Характерно, что таксономический уровень пространства коррелирует с возрастом респондентов: чаще говорят о себе как о происходящих из определенной коммуны люди старше 50 лет (57 %) и моложе 35 лет (53 %). Кроме того, с наиболее мелкой таксономической единицей (коммуной) чаще себя связывают сельские жители (57 %) [Герен-Пас, 2005, с. 52–58]. Таким образом, для самоопределения французов наиболее релевантны единицы самого низкого уровня. К сожалению, сопоставимых отечественных данных нет.

² «Идентичность «сибиряк» проявляет себя скорее более значимо, чем более локальная «Западная» или «Восточная» Сибирь. Привлекательность широкой и мифологизированной идентичности «сибиряк» порой настолько сильна, что часть населения Курганской области, включенной в экономический регион Урала, считает себя сибиряками» [Губогло, 2003, с. 454].

крестьяне – были последними из приобретших его» [Хобсбаум, 1996, с. 37]. С этим сопоставимо утверждение Э. Сепира, сформулированное в начале 1930-х гг.: «На европейском континенте... культура, представленная стандартизованным языком, до недавнего времени представляла собой крайне маломощную психологическую структуру, и официальный язык такой культуры едва ли мог выполнить задачу адекватной символизации народных культур» [Сепир, 1993 (1931), с. 220; см. также: *Немецкая диалектография*, 1955; Жирмунский, 1956]. Собственно даже понятие диалекта почти не использовалось до возникновения национальных государств. В результате статус «национальный язык» vs. «диалект» Э. Сепир связывает с наличием «национальных образований».

В исследовании диалектов большую роль сыграла немецкая научная традиция. Она возникла очень рано и развивалась весьма плодотворно, обогатив мировую лингвистику рядом важнейших теорий и направлений исследований. На необходимость собирания «местных слов простого человека» в целях расширения и обогащения национального языка указывал уже Г.В. Лейбниц. В 1689 г. появляется «Баварский словарь» И.-Л. Праша, где помещены «провинциальные, народные и редкие слова». В XVIII столетии в ряду словарей немецких говоров два издания выдерживает «Гамбургский идиотикон» (1743 и 1745), издается пятитомный «Опыт бременского нижненемецкого словаря» (1767–1771). В XIX в. романтизм «придал народному языку некий ореол, который, возможно, было связан с идеализацией местных языков как символов национальной солидарности и территориальной целостности» [Сепир, 1993 (1931), с. 220, см. также: Бах, 1955 (1934), с. 92–149]. Именно постановка вопроса, которая увязывала понятия «язык», «народ» и «народность», произвела переворот в отношении к диалекту. Научный этап немецкой диалектологии принято датировать 1821 годом, когда вышла в свет монография И.-А. Шмеллера «Диалекты Баварии в грамматическом изложении», на долгие годы определившая парадигму исследований. Спустя столетие была написана еще одна книга, оказавшая значительное влияние на дальнейшее развитие диалектологии, – «Культурные течения и культурные провинции в Рейнской области. История, язык, этнография» (1926). Ее авторами были историк Г. Обэн, лингвист Т. Фрингс и фольклорист Й. Мюллер. Их «сравнение исторических, диалектологических и фольклорных карт позволило установить существование прочной связи между границами языковых и фольклорных явлений, между «языковыми» и «культурными» ландшафтами, одинаково обусловленными в прошлом границами средневековых феодальных территорий, в рамках которых в течение ряда столетий протекала народная жизнь Германии» [Жирмунский, 1956, с. 98]. Этот комплекс вопросов (иными словами, историко-географическую структуру определенного региона в отношении к его материальному и духовному бытию) Т. Фрингс назвал «морфологией культуры»¹.

В XX в. достижения диалектологии в Германии во многом связаны с идеями Й.Л. Вайсгербера – неогумбольдтианца, стоявшего на крайних глоттоцентриче-

¹ Такой подход повлиял и на взгляды одного из крупнейших отечественных диалектологов Р.И. Аванесова, который писал: «Диалектология тесно связана с этнографией – наукой о материальной культуре народа. Дело не только в том, что диалектные особенности являются одним из важнейших этнографических признаков; и не только в том, что без знакомства с основами этнографии диалектологу нелегко ориентироваться в деревне при производстве наблюдений над говорами, так как он должен иметь хотя бы элементарные сведения о быте и предметах материальной культуры деревни; дело в том, что многие этнографические особенности тесно связаны с особенностями диалектными. Например, оказывается, что понева (род юбки из особой шерстяной ткани) в основном соответствует южновеликорусскому наречию, а сарафан северновеликорусскому. Понева, как и сарафан, имеет много своих разновидностей, которые важно соотносить с соответствующими говорами. Территориям северновеликорусского и южновеликорусского наречий соответствуют весьма различные типы жилого дома и т.д.» [Аванесов, 1949, с. 17].

ских позициях. В конце 1920-х гг. он принимает предложенное немецкими лингвистами понятие языкового сообщества: «Никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной языковой личности; наоборот, это языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу, он изучает свой родной язык, то есть вырастает в это языковое сообщество» [Вайсгербер, 2004, с. 81]. С этих позиций диалект выступает как самый простой случай надпространственной и надвременной силы языкового сообщества. Немецкие диалектологи пришли к мысли о том, что диалект – особая, по сравнению с общеупотребительным (литературным) языком, форма освоения действительности, присущая сплоченным и отчасти замкнутым языковым сообществам. Ее конститутивные признаки – парцелированные объекты познания, антропоцентризм, субъективизм, большая зависимость от внешних условий бытия, консерватизм [Радченко, Закуткина, 2004, с. 25–48]. В середине 1950-х гг. Й.Л. Вайсгербером было сформулировано фундаментальное положение: **диалект есть языковое освоение родных мест**, именно диалект превращает экзистенциальное пространство в духовную родину [Weisgerber, 1956, S. 7]. Средства диалекта распространяются на то, что дано его носителям в непосредственном опыте: диалект и реальная жизнь деревни, доступная всем пространственная и духовная сфера в значительной степени совпадают. Картина мира, репрезентируемая тем или иным диалектом, – это не фрагмент национальной языковой картины мира, а ее субстрат. В 1959 г. Й.Л. Вайсгербер писал: «Можно позавидовать людям, которые поначалу росли в условиях диалекта. Неповторимая внутренняя связь с родиной сильно зависит от первого языкового освоения этой родины, и тут исконный диалект уже все-таки превосходит более отстраненный от человека общеупотребительный язык» [цит. по: Радченко, 2005, с. 231–232].

В России диалектология начала развиваться позднее. Несмотря на выход в свет сводных «Опыта областного великорусского языка» (1852), в создании которого принимали участие А.Х. Востоков и И.И. Срезневский, «Толкового словаря живого великорусского языка» (1864–1866) В.И. Даля и локального «Словаря архангельского областного наречия» А.О. Подвысоцкого (1885), на рубеже XIX–XX вв. А.И. Соболевский полемически, возможно, утверждал: «Мы до сих пор еще не имеем специалистов по русской диалектологии. Ученые занимались ею в самых редких случаях и при том наскоро, проездом, ухватывая лишь случайно встретившиеся черты. Этнографы обращали на говоры крайне мало внимания, и мы имеем ряд хороших сочинений по этнографии, где или нет никаких замечаний по диалектологии, или помещены самые ничтожные. <...> Мы можем назвать лишь один труд, посвященный вообще русской диалектологии. Это – статья проф. Потевни в “Филологических записках” 1865 г. “О звуковых особенностях русских наречий”... <...> Наибольшее количество материалов по русской диалектологии издано (безо всякой системы) в изданиях Императорского Русского географического общества» [Соболевский, 1897, с. 3]. Интересно, что А.И. Соболевский не упоминает доклад В.И. Даля «О наречиях русского языка», сделанный в 1852 г. на заседании того же Русского географического общества и опубликованный не только в его «Вестнике», но спустя несколько лет и в первом томе словаря Даля.

Объем понятия «диалект» в отечественной традиции намечен классическими работами А.И. Соболевского [1897], А.А. Шахматова [1916], Н.Н. Дурново [1924] и др., – где диалект определялся как территориально ограниченная форма крестьянской речи. Такая трактовка была характерна в советский период для крупнейших представителей Московской диалектологической школы Ф.П. Филина [1936] и Р.И. Аванесова [1949], она не претерпела значительных изменений и в новом столетии: «Круг лиц, владеющих местными диалектами, достаточно определен: в современных условиях это крестьяне старшего поколения» [Крысин, 2003, с. 48]. Однако с 1960-х гг. ряд исследователей стал говорить об учете качественной трансформации русских диалектов, предложив понятие «полудиалект» для языко-

вых структур, которые представляют сплав диалектных элементов и литературного языка [Баранникова, 1967; Коготкова, 1979; Крысин, 2003, с. 31–100], а затем понятие «региолект», имея в виду устную форму языка, утратившую архаические черты, но приобретшую специфические отличия [Трубинский, 1991, с. 156–162; Герд 2000, с. 45–52]. Закономерен вывод В.Е. Гольдина [1997] о том, что в настоящее время диалектологические исследования идут в рамках разных научных парадигм, которые диктуют не только специфику предмета, задач и методов исследований, но и видение языковой эмпирии.

С точки зрения диалектной лингвокультурологии, важна мысль Н.И. Толстого, дополнившего классический подход: «Диалект представляет собой не исключительно лингвистическую территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, и культурологическую» [Толстой, 1995, с. 21]. Подобную позицию следует, на наш взгляд, соотносить с достижениями немецкой философии языка, которая рассматривает диалект как уникальный гносеологический и культурный феномен, тот путь освоения действительности, который прокладывает каждое локальное сообщество. Не случайно А.А. Потебня, один из наследников гумбольдтианских идей, настаивал на том, что «верное чутье понимает самые сходные наречия как различные музыкальные инструменты, может быть, иногда относящиеся как церковный орган к балалайке, но тем не менее не заменимые друг другом» [Потебня, 1913а (1895), с. 200]. На нынешнем этапе развития диалектной лингвокультурологии следует прежде всего эксплицировать духовное наследие, заложенное в русских говорах.

В качестве промежуточных итогов отметим следующее. На рубеже XX–XXI вв. общество вновь обращалось к ТК и русским говорам как ее продукту, ее части и условию ее существования. Такой рост внимания диктуется общеевропейским культурным контекстом: набирающие темпы процессы нивелирования, обезличивания и, как следствие, обезчеловечивания окружающего мира делают актуальным поиск специфического сочетания общих и местных особенностей существования человека. Своя (иными словами, локальная) интерпретация общего – необходимая константа для жизни сообщества и его членов. Несмотря на дискуссионный до сих пор с позиций этнографии статус русского старожильского населения Сибири, старожилы Среднего Приобья – одно из стабильных сообществ, которые скрепляют регион, и ныне остающийся во многих аспектах краем мигрантов. Диалект объективирует членство человека в этом сообществе, поддерживая его горизонтальные и вертикальные связи и транслируя культурную традицию, обеспечивает самоопределение человека, необходимое для его психологической защиты. Среднеобские диалекты отражают свое «направление народной мысли» (А.А. Потебня), формируют и эксплицируют ТК сибирских старожилов.

Литература

- Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949.
- Александренков Э.Г. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность» // Этнографическое обозрение. 1996. № 3.
- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
- Баранникова Л.И. Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967.
- Бах А. Немецкая диалектология // Немецкая диалектография. М., 1955.
- Бережнова М.Л. Группы русских сибиряков (к вопросу об их выделении в отечественной истории и этнографии) // Русский вопрос: история и современность. Омск, 2005.

- Биллинг М. Нации и языки // Журнал «Логос» (1991–2005). Избранное. М., 2006. Т. 1.
- Бороноев А.О. Сибирская идентичность: становление и содержание // Вестник РГНФ. 2004. № 3.
- Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. М., 2004.
- Вахтин Н.Б., Головкин Е.В., Швайцлер П. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М., 2004.
- Герд А.С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня. М., 2000. Вып. 1.
- Герен-Пас Ф. Откуда мы? О пространственно-географической самоидентификации жителей Франции // Этнографическое обозрение. 2005. № 5.
- Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии. Дис. в виде научного доклада ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997.
- Григорьев А.Д. К изучению русских старожилов Сибири. Прага, 1928. Вып. 1.
- Губогло М.Н. Идентификация идентичности. М., 2003.
- Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность // Журнал «Логос» (1991–2005). Избранное. М., 2006. Т. 1.
- Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924.
- Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь. М., 1997.
- Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. М.; Л., 1956.
- Жирмунский В.М. Методика социальной географии (Диалектология и фольклор в свете географического исследования) // Фольклор Запада и Востока. М., 2004.
- Загряжская Т.Ю. Процессы пространственной дифференциации и интеграции французского языка. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996.
- Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология. М., 1979.
- Крысин Л.П. Социальная дифференциация системы современного русского национального языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.
- Кузнецов В.К. Русские старожилы в Сибири и Средней Азии // Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. Люди и порядки за Уралом.
- Левкиевская Е.Е., Плотнокова А.А. Этнолингвистическое описание севернорусского села Тихманьги // Восточнославянский этнолингвистический сборник. М., 2001.
- Лепти Б. Некоторые общие вопросы междисциплинарного подхода // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993.
- Любимова Г.В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника российского населения Сибири. XIX – начало XX в. Новосибирск, 2004.
- Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. М., 1983.
- Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: бытие и самосознание. Автореф. дис. ... д-ра культурол. наук Екатеринбург, 2003.
- Неклюдов С.Ю. Самобытность и универсальность в народной культуре (к постановке проблемы) // Геопанорамы русской культуры: провинция и ее локальные тексты. М., 2004. – С. 15-21.
- Немецкая диалектография. М., 1955.
- Новоселова А.А. Кто такие старожилы (истолкование термина в современной этнографии) // Русские старожилы. Тобольск, Омск, 2000.
- Павленко А.Е. Региональный язык и его статус (на материале языковой ситуации равнинной Шотландии). СПб., 2003.
- Потебня А.А. О национализме. Заметки по поводу статьи «Über Nationalität, von Dr. Ludwig Rüdiger, Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. III B. 1865» // Потебня А.А. Мысль и язык. Харьков, 1913.

- Потебня А.А. Язык и народность // Потебня А.А. Мысль и язык. Харьков, 1913а.
- Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура; In memoriam. СПб., 2003.
- Радченко О.А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М., 2005.
- Радченко О.А., Закуткина Н.А. Диалектная картина мира как идеоэтнический феномен // Вопросы языкознания. 2004. № 6.
- Русские. М., 1999.
- Русские старожилы Сибири: Историко-антропологические очерки. М., 1973.
- Русские старожилы. Тобольск, Омск, 2000.
- Русский Север: ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. – 273 с.
- Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь. Рязань, 2001.
- Савоскул С.С. Локальная идентичность современных россиян. (Опыт изучения на примере Переславля-Залесского) // Этнографическое обозрение. 2005. № 2.
- Сверкунова Н.В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб., 2002.
- Семенов-Тянь-Шанский В.П. Несентиментальное путешествие // Вокруг света. 1990. № 10.
- Сепир Э. Диалект // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. / Под ред. В.В. Палагиной. Т. 1–3. Томск, 1964–1967.
- Соболевский А.И. Опыт русской диалектологии. М., 1897.
- Тарасов-Борисенко М.В. Ареал генеалогии русских крестьян: Проблемы и опыт микроисследований по материалам Тобольского и Тарского уездов конца XVI – начала XX в. СПб., 2001. – 300 с.
- Толстой Н.И., Толстая С.М. Д.К. Зеленин – диалектолог // Проблемы славянской этнографии. Л., 1979.
- Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Толстой Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
- Трубинский В.И. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение, 1991.
- Труды Томской диалектологической школы: Библиографический указатель. Томск, 2003.
- Филин Ф.П. Исследование о лексике русских говоров по материалам сельскохозяйственной терминологии. М.; Л., 1936.
- Хобсбаум Э. Введение к книге «Нации и национализм после 1780 г. Программа, миф, реальность» // Современные методы преподавания Новейшей истории. Материалы из цикла семинаров при поддержке TACIS. М., 1996.
- Чистов К.В. Традиции и вариативность // Советская этнография. 1983. № 2.
- Шахматов А.А. Введение в курс истории русского языка. Петроград, 1916. Ч. 1.
- Шиловский М.В. Особенности поведенческих стереотипов сибирских крестьян во второй половине XIX – начале XX вв. // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск, 2004.
- Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. Тюмень, 2000.
- Weisgerber J.L. Die Leistung der Mundart im Sprachganzen. Vortrag bei der Arbeitsbesprechung über die Pflege der Mundarten in Recklingshausen am 17. März 1956. Münster, 1956.